

Крылов Иван Андреевич

Басни Ивана Крылова

В восьми книгах

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Андреевич К.**
Басни Ивана Крылова: В восьми книгах / Крылов Иван Андреевич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 326 с.

ISBN 978-5-519-91407-9

ISBN 978-5-519-91407-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

III
МУЗЫКАНТЫ.

Сосѣдъ сосѣда звалъ откушашь;
Но умыселъ другой шунъ былъ:
Хозяинъ музыку любилъ,
И заманилъ къ себѣ сосѣда пѣвчихъ слушашь.
Запѣли молодцы: кто въ лѣсъ, кто по дрова,
И у кого что силы стало.
Въ ушахъ у госпи запрещало
И закружилась голова.
«Помилуй ны меня!» сказалъ онъ съ удивленьемъ:
«Чѣмъ любоваться шунъ? Твой хоръ
Горлашки въздоръ.» —
«То правда,» отвѣчалъ хозяинъ съ умиленьемъ.
«Они немножечко дерушъ;
За то ужъ въ ротъ хмѣльнаго не берушъ,
И всѣ съ прекраснымъ поведенъемъ.»
А я скажу: по мнѣ ужъ лучше пей,
Да дѣло разумѣй.

IV.
ДВА ГОЛУБЯ.

Два голубя, какъ два родные брата жили:
Другъ безъ друга они не ѣли и не пили;
Гдѣ видишь одного, другой ужъ вѣрно памъ;
И радость и печаль, все было пополамъ.
Не видѣли они, какъ время пролепало:
Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.

Ну, кажется, куда бъ хотѣшь
Или опъ милой, или опъ друга?
Нѣтъ, вздумалъ спранспивовать одинъ изъ
нихъ: лепѣшь,

— Увидѣшь, осмопрѣшь
Диковинки земнаго круга,
Ложь съ истиной сличить, повѣрить былъ
съ молвой.

«Куда ты,» говоришь сквозь слезъ ему другой:

«Что пользы по свѣшу таскаться?»

Иль съ другомъ хочешь ты разсѣяться?

Бесовѣстный, когда меня тебѣ не жаль,

Такъ вспомни хищныхъ птицъ, snakes, гро-
зы ужасны,

И все, чѣмъ странствія опасны!
Хоть подожди весны лепѣшь въ такую даль:
Ужъ я тебя тогда удерживать не буду.
Теперь еще и кормъ и скуденъ такъ и малъ;
Да, чу! и воронъ прокричалъ:

Вѣдь это вѣрно къ худу.

Останься дома, милый мой!

Ну, намъ вѣдь весело съ побой:

Куда жъ еще тебѣ лепѣшь, не разумью.
А я такъ безъ тебя совсѣмъ осиротью.
Силки, да коршуны, да громы только мнѣ
Казаться будутъ и во снѣ.

Все стану надъ побой бояться я несчастья.

Чуть пучка лишь надъ головой,
Я буду говорить: ахъ! гдѣ-то братецъ мой?
Здоровъ ли, сытъ ли онъ, укрытъ ли онъ
ненаспья?»

Распрогала рѣчь эта Голубка;
Жаль бранца, да лепѣшь охота все.
Она и разсуждать и чувствовать мѣшаетъ.
— «Не плачь, мой милый,» такъ онъ друга
ушѣшаетъ:

«Я на три дня съ побой, не больше, раз-
лучусь:

Все паскоро въ пупки замѣчу на полетѣ,
И, осмопрѣвъ, что есть диковинный на свѣтѣ,
Подъ крылышко къ дружкѣ назадъ я ворочусь.

Тогда-то будешь намъ о чемъ повесить
словечко!

Я вспомню каждый часъ и каждое мѣстечко;
Все расскажу: дѣла ль, обычай ли какой,
Иль гдѣ какое видѣлъ диво.

Ты, слушая меня, представишь все такъ
живо,

Какъ будто бѣ самъ лезалъ ты по свѣту
со мной.»

Тутъ (дѣлать пѣчего) друзья поцѣловались,
Проспились и распались.

Вотъ странникъ нашъ лепитъ: вдругъ
въ встрѣчу дождь и громъ;

Подъ нимъ, какъ океанъ, синѣетъ степь
кругомъ.

Гдѣ дѣшься? Къ счастью, дубъ сухой въ
глаза попался.

Кой-какъ ушиблся, прижался

Къ нему нашъ Голубокъ;

Но ни отъ вѣтра онъ укрыться шутъ не
могъ,

Ни отъ дождя спасенъ: весь вымокъ и
продрогъ.

Упихъ помалу громъ. Чуть солнце просіяло,
Желанье подзывать бѣдияжку далѣ спало.

Вспряхнулся и лезишь, — лезишь и видишь
онъ :

Въ залушья подъ лѣскомъ разсыпана пше-
инчка.

Спустился: въ сѣни шуть попалась наша
пшичка.

Бѣды со всѣхъ сторонъ!

Трепещется онъ, рвется, бьется.

По счастью, сѣнь спара: кой-какъ её про-
рвалъ,

Лишь ножку вывихнулъ, да крылышко помялъ.

Но не до нихъ: онъ прочь безъ памяти несется;

Вотъ, пуще той бѣды, бѣда надъ головой:

Отколы ни взялся ястребъ злой.

Не взвидѣлъ свѣта Голубъ мой:

Опъ ястреба изъ силъ послѣднихъ машетъ.

Ахъ, силы вкороткъ, совсѣмъ испощены!

Ужъ когти хищные надъ нимъ распуше-

Ужъ холодомъ въ него съ широкихъ кры-

пашетъ

Тогда орелъ, съ небесъ направля свой полетъ,

Ударилъ въ ястреба всей силой,

И хищникъ хищнику достался на обѣдъ.

Межъ тѣмъ нашъ Голубъ милой,

Внизъ камнемъ ринувшись, прижался подъ
плечнемъ.

Но тѣмъ еще не кончилось на немъ:

Одна бѣда всегда другую накликаетъ.

Ребенокъ, черешкомъ намыля въ Голубка

ЛЯГУШКА И ВОЛЪ.

Лягушка, на лугу увидѣвши Вола,
Запѣяла сама въ дороселѣ съ нимъ сра-
внялась;

Она зависплива была :

И ну попорцишься, пыхтѣшь и надуваешься.

«Смотри-ка, Квакушка, что, буду ль я съ
него?»

Подругъ говоритъ. — «Нѣтъ, кумушка, да-
леко!»

«Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко.»

Ну, каково?

Попомнилась ли я?» — «Почти что ничего.» —

«Ну, какъ теперь?» — «Все тожъ.» Пыхтѣла,
да пыхтѣла,

И копчила моя запѣйница на томъ,

Что, не сравнявшись съ Воломъ,

Съ напуги лошуга и — околѣла.

Примѣръ такой на свѣтъ не одинъ:

И диво ли, когда жить хочется мѣщанинъ,

Какъ именитый гражданинъ,

А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ?

ВОРОНА и КУРИЦА.

Когда Смоленскій Князь,
Противу дерзости искусствомъ вооружась,
Вандаламъ новымъ съѣсть поставилъ,
И на погибель имъ Москву оспарилъ:
Тогда всѣ жнпчелн, и малый и большой,
Часа не прашя, собралися,
И вопъ изъ стѣнъ Московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли шумѣть на эту всю прелевогу
Спокойно, члснл носъ, глядншъ.
«А мнѣ что жъ, кумушка, въ дорогу?»
Ей съ возу Курица кричншъ.
«Вѣдь, говорншъ, что у порогу
Нашъ супоспашъ.» —
«Мнѣ что до этого за дѣло,»
Въшунья ей въ ошвѣшъ: «я здѣсь останусь
смѣло.
Вопъ вашн сесѣдры, какъ хопашъ:
А вѣдь Воронъ ни жарншъ, ни варншъ;
Такъ мнѣ съ госпшми же мудрено ужншся;

А, можетъ быть, еще удачи поживишься
Сыркою, или косточкой, или чѣмъ нибудь.
Прощай, Хохлапучка! счастливый путь!»
Ворога подлѣзъ оспалась;
Но, вмѣсто всѣхъ поживекъ ей,
Какъ голодомъ моришь Смоленскій спалъ
госней,
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.

Такъ часто человекъ въ расчетахъ спитъ
и глупъ.
За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ
несешься;
— А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься:
Понался, какъ Ворона въ супъ.

~~~~~

VII.
ЛАРЧИКЪ.

Случается не рѣдко намъ
И трудъ и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стѣнитъ только догадаться,
За дѣло прѣсто взяшься.

Къ кому-то принесли опъ мастера Ларецъ.
Опдѣлкой, чистопной Ларецъ въ глаза кидался.
Ну, всякой Ларчикомъ прекраснымъ любо-
вался.

Вошъ входитъ въ комнату Механики мудрецъ.
Взглянувъ на Ларчикъ, онъ сказалъ: «Ларецъ
съ секретомъ;

Такъ, онъ и безъ замка;

А я берусь открыть: да, да, увѣренъ въ этомъ.

Не смѣйтесь такъ изподпашка!

Я опъищу секретъ и Ларчикъ вамъ открою:

Въ Механикѣ и я чего нибудь да спою.»

Вошъ за Ларецъ принялся онъ;

Вершишь его со всѣхъ сторонъ,

И голову свою ломаешь:

Тотъ воздикъ, по другой, по скобку пожимаешь.

Тупъ, глядя на него, иной

Качаетъ головой;

Тъ шепчущся, а тѣ смѣются межъ собой.

Въ ухахъ лишь только опдаются:

Не шумъ, не шажъ, не шамъ! Механикъ
лучше рвешся.

Потѣлъ, потѣлъ; но наконецъ уснулъ,

Опъ Ларчика опешалъ,

И какъ открыть его, никакъ не догадался!

А Ларчикъ просто открывался.

